

**На рубеже эпох: время в повести
первого корякского писателя Кецай Кеккетына «Эвныто батрак»***

(*Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 17-78-20185
«Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности
народов сибирско-дальневосточного региона»)

В статье представлен анализ изображения времени в повести корякского писателя Кецай Кеккетына «Эвныто батрак». Последовательное использование маркеров времени (несколько ночёвок, на следующий день) создаёт реалистичность изображения. Указатели времени служат средством перехода от одного эпизода к другому. Равномерность времени в начале и середине повести в финале сменяется сжатием. В финале счет времени ускоряется: счёт ведётся на дни, месяцы и годы. Традиционная для корякского фольклора цикличность в авторской повести Кецай Кеккетына размыкается. Время революционных событий непредсказуемо. Финал повести открыт и выводит читателя за границы реального времени и реальных событий.

Корякский язык, младописьменная литература, корякская литература, Кеккетын, авторский стиль, время в тексте.

In this article you can see analysis of time showing in narrative "Ewnyto the peon" written by Koryak writer Kecay Kecketyyn. Serial using of time-targets (several nights, on the next day) make the picture more realistic. Time-targets are used as transitions from one episode to another. Equal showing of time in the beginning and in the middle of the narrative changes into compression at the end of the story. At the end time goes faster: days, months and years. Traditional for Koryak folklore cycling opens in the narrative written by Kecay Kecketyyn. Time of revolution events is unpredictable. End of the narrative is open and makes the reader think over real time and events.

Koryak language, literature of language with a recent system of writing, Koryak literature, Kecketyyn, author's style, time in narrative.

Само появление авторской повести на корякском языке уже явилось свидетельством смены эпох. Бесписьменный корякский язык веками развивался в русле устной повествовательной культуры. Никаких предпосылок для зарождения корякской литературы в начале XX века не было. Но пришли иные времена, и развитие национальной повествовательной традиции изменило свою логику (изменило логике?). Зарождение корякской литературы произошло мгновенно, под влиянием идеологических устремлений Советской России. С другой стороны, какими бы жёсткими ни были директивы политической власти, авторский художественный текст всегда в чём-то неподвластен внешней авторитарной силе и в чём-то непредсказуем для самого автора.

В наши дни с введением регионального компонента в школах Камчатского края в школах полуострова стали стандартными выражения, характеризующие творчество Кецай Кеккетына: «первый корякский писатель» [Голованева, Кузьмина 2017, с. 15], «основоположник корякской литературы, произведения которого признаны классикой» [Кеккетын 2010, с. 5]. Сразу представляется маститый писатель с регалиями и наградами, который в одночасье, одним властным жестом дал начало корякской литературе. В реальности всё было совершенно иначе.

Молодой корякский юноша шестнадцати (!) лет, студент I курса Института народов Севера им. П. Г. Смидовича решает написать художественный рассказ на корякском языке. В 1938 г. в своей автобиографии, объясняя, почему он решил (посмел) написать авторский рассказ, Кецай словно оправдывается: «Ещё в 1934 г., когда мы учились на своём языке, чуть не на каждом уроке спорили: как правильно писать слова. Одни из нас говорили на диалекте оседлых, а я и Наянов Микуль – на диалекте кочующих. Я начал думать и

решил: напишу какую-нибудь записку, чтобы туда вошли все наши слова. Так, летом 1934 г. я составил рассказ о том, как раньше жили оленеводческие батраки. Я назвал это рассказ “Эв’ныто батрак” [Цит. по: Стебницкий 1994, с. 21]. Это признание Кецай было опубликовано в 1938 г. в сборнике «Советская этнография» и должно было несколько смягчить его юношескую дерзость. В тех сложных политических условиях иначе было невозможно. Учитель Кецай Кеккетына, северовед С. Н. Стебницкий, был вынужден занять достаточно резкую позицию по отношению к своему одарённому ученику: «“Эв’ныто, батрак” – это отнюдь не те мотивы, которые побуждают художника слова, хотя бы даже начинающего. <...> Таким образом, причиной создания первой корякской повести на первых порах послужило лишь незнакомство юного студента-первокурсника с техникой создания словарей» [Там же, с. 21]. Истина заключается в том, что Кецай Кеккетын был истинным “художником слова”, и С. Н. Стебницкий это очень хорошо понимал, потому что поддержал издание последующих двух авторских повестей Кецай, сделал всё, чтобы произведения Кецай были опубликованы. Благодаря помощи С. Н. Стебницкого корякские литературные тексты 1930-х гг. навсегда вписаны в историю человеческой культуры.

В предисловии к изданию небольшой книжечки «Эвныто батрак» Кецай Кеккетын описал, как пришёл к нему замысел рассказа: *Гыммо тыувок чечкэюнкы то тыкивыу: мыкалин йин-каликал. Выг’аёк алак 1934 гэв. тылэг’ун панэнатвын, – миукые гэюнэллинэв’валг’о* / Я начал думать и решил: напишу-ка какую-нибудь книгу. Потом летом 1934 г. **я увидел рассказ**, – как жили батраки [Кеккетын 1936, с. 5]. Воссоздавая явление замысла рассказа, Кецай использует слово *лыг’ук* – ‘видеть, находить’ [Молл 1936, с. 66], словно текст родился не в сознании молодого писателя, а пришёл ему извне, как озарение.

Мы только можем домысливать, как ходил корякский юноша по улицам Ленинграда, мысленно возвращаясь к рассказам отца, пытаюсь воссоздать эпизод за эпизодом события первых месяцев советской власти на Камчатке. Сейчас эти события оценивают критически. Но тогда Кецай был захвачен ощущением новых грандиозных перемен. Он чувствовал в себе силы писать, невзирая на критику. В шестнадцать лет такая дерзость спасительна для творчества, иначе как можно преодолеть страх перед чистым листом, не подчиниться давлению литературных авторитетов русской культуры.

Тексты Кецай Кеккетына уникальны. Они появились в то время, когда корякский язык был в своём расцвете. Именно в произведениях корякской литературы раскрываются изобразительные возможности корякского языка.

Сейчас корякский язык находится в критическом состоянии. По данным переписи 2010 г. лишь 1690 человек указали в анкете, что владеют корякским языком. Проблема не только в том, что сокращается количество людей, способных говорить на корякском языке, но и в том, что речь современных носителей корякского языка, ограниченная бытовой сферой, становится очень бедной. Современные записи корякской разговорной речи, современные образцы корякского фольклора не дают представлений о том, каким был язык в моменты своего активного бытования. И только тексты молодых корякских писателей начала XX века позволяют приоткрыть эту завесу.

Повесть «Эвныто пастух» день за днём изображает установление советской власти на Камчатке. Сам Кецай не был свидетелем этих перемен, он родился в 1918 году, но его отец Кеккет был непосредственным участником революционных событий. Подробные рассказы отца Кецай выстраивает в своём сознании как некую цельную протяжённую историю, отчасти являясь её участником.

Кецай стремился к реалистичности изображения. В 1930 гг. критический реализм – главное официальное (разрешённое) направление в советской литературе.

Стремление воссоздать в тексте хронологически точную последовательность событий – один из способов сделать свой рассказ максимально реалистичным.

Кецай Кеккетын знал и ждал, что этот рассказ будут читать и перечитывать все знакомые, друзья, родственники. Он понимал, что несёт ответственность перед

соотечественниками, на глазах которых происходили те события, о которых он пишет в тексте повести.

Обратимся к особенностям изображения времени в повести Кецай Кеккетына «Эвныто батрак». Шестнадцатилетний корякский юноша выражает в тексте то восприятие времени, к которому привык и которое является естественным для корякского мировосприятия. Традиционный для коряков счёт времени до сих пор ведётся по ночёвкам. В повести К. Кеккетына указание количества ночёвок, прошедших от одного события до другого упоминается 9 раз. Приведём несколько примеров из текста:

Нычечу киви, уйүэ аёг'ыка капкав'. Ныёжав'кэнак нывой чоччымавык / Дважды переночевал, не навевывался к капканам. На третий (день) стал собираться [Кеккетын 1936, с. 16].

Ныёчау киви яак, яқам г'эүэви эняйылвэнвыу / Трижды переночевал (Эвныто) дома, сразу отправился на место промысла соболя [Там же, с. 16].

Упоминание количества ночёвок соответствует количеству суток и принципиально важно не только для развития сюжетного действия, но и для воссоздания событий как реалистичных, соответствующих действительности.

Количество ночёвок, как и количество дней, служит в тексте первой повести Кецай Кеккетына маркером перехода от одного эпизода к другому. Писатель опирается на указатели времени как средство соединения и смены эпизодов.

Употребление наречия *митив'* – 'на другой день, завтра' [Молл 1960, с. 70] в тексте повести «Эвныто батрак» служит импульсом для дальнейшего развёртывания действия, для перехода к следующему эпизоду. Новый день – > очередной этап развития сюжета:

Митив' ёг'ынэн капкав'э – уйүэ-йин ав'в'ака / На другой день добрался до капканов – ничего не зацепилось [Кеккетын 1936, с. 16].

Митив' мэйуынкыеп кыяв'лай, тит инг'э ныёоягыйкэнав' аנותванвыутакэнав' / На другой день очень рано проснулись, чтобы быстро оленей поймать для перевозки груза на летовье [Там же, с. 38].

Употребление наречия времени *митив'* 'на другой день, завтра' часто коррелирует с изображением передвижения героя:

Митив' яйтэтыу г'эүэви / На другой день домой отправился [Там же, с. 20].

Митив' яйтыгыг'э / На другой день домой вернулись [Там же, с. 23].

Митив' аנותванвэтыу ялгыллай / На другой день к летовью перекочевали [Там же, с. 39].

Митив' мэйуынкыеп кыяв'лай то мыголцэлай В'ойвытайнэтыу / На другой день очень рано проснулись и покочевали караваном к Тигилю [Там же, с. 48].

Митив' ялгыллай / На другой день покочевали [Там же, с. 49].

Жизнь героев повести – это постоянное движение изо дня в день. Кецай Кеккетын вырос в среде кочевников-оленеводов, для которых движение – естественное состояние. Как сказал потомственный оленевод Николай Иванович Тынетэгин: «Олень ведь ходячее животное. Олени стоять на одном месте не будут».

Наречия времени *митив'* 'на другой день, завтра' влечёт за собой описание передвижений героев, в свою очередь передвижения в пространстве влекут за собой изменения психологические и социальные. Закономерно, что в корякских исторических преданиях об установлении советской власти на Камчатке борьба белых и красных изображается именно как **передвижение** тех и других по просторам тундры, причём, каюрами были местные береговые коряки.

В современной литературе нередко используется приём фрагментарности, прерывистости изображения времени [Шушнина 2013, с. 231]. Для повести первого корякского писателя, так же как и для корякского фольклора, подобная фрагментарность времени не свойственна. Обилие в тексте корякской повести временных маркеров как раз и призвано полностью исключить прерывистость повествования.

История батрака Эвныто изображается Кецаем как непрерывная череда событий. Писатель ведёт читателя день за днём – эта непрерывность времени соотносится с частотой употребления маркеров времени. В тексте повести время всегда учитывается.

В коряжском фольклоре время организовано циклично: одни и те же события с одними и теми же героями происходят на протяжении бесконечно длительного времени: от появления Куткыннюку и до настоящего момента. Традиционный коряжский фольклор представляет собой череду эпизодов [Голованева 2015, с. 49]. Именно поэтому в коряжских мифологических сказках нет чётко оформленного зачина и концовки, все тексты – это эпизоды одной длинной истории о Куткыннюку и его потомках.

В авторском тексте Кецай Кеккетина время организовано принципиально иначе. В повести «Эвныто батрак» отражено переосмысление времени в коряжской картине мира: из состояния вековой цикличности в непредсказуемую линейность. В отличие от цикличного, линейное время абсолютно непредсказуемо. Те события, которые изображены в финале повести: свержение богача Чачоля, выборы председателем Эвныто – все эти события были вне исторической логики. Ещё никогда коряжская история не знала ничего подобного. Новое время врывается в традиционную культуру извне и ломает её.

В отличие от коряжского фольклора, для которого характерно неопределённое время изображения, в повести К. Кеккетина «Эвныто батрак» время изображается как определённое. Одним из маркеров чёткой определённости времени служит «День памяти В. И. Ленина». По замыслу писателя именно в этот день Эвныто приезжает к своему приятелю в с.Тигиль:

«Эчи кэтог'ыг'ылв'ый, – иви ынныцлэк. – Мыткокэтог'ылаңын виг'ылг'ын айһон лыгумэйһычг'ын тойвагыйһыкэн Ленин» / «Сегодня день памяти, – сказал приятель. – Вспоминаем умершего раньше настоящего руководителя новой жизни Ленина [Там же, с. 64].

Дата смерти Ленина – 21 января 1924 г., следовательно, события, изображаемые К. Кеккетиним, а именно приезд Эвныто в село, по замыслу писателя, произошёл именно 21 января 1925–1929 г.

Кецай Кеккетин не указывает, сколько лет прошло со дня смерти Ленина, поэтому: мы можем сказать день, но не можем точно указать год. Возможно, Кецай намеренно не указывает год, чтобы сохранить свободу художественного изображения. В то время, когда он писал, когда его книга была напечатана и отправлена в сёла Камчатки, жители села Тигиль были в полном здравии и, конечно, задались бы вопросом: кто это приезжал к нам в день памяти Ленина? Реальное время порождает время художественное, а время художественное вовлекает в своё вымышленный мир события времени реального.

В отличие от равномерного изображения времени в коряжском фольклоре в повести Кецай Кеккетина время неоднородно. В финале повести упорядоченная, размеренная последовательность времени значительно ускоряется. Если в начале и середине повести счёт идёт на дни, то к финалу счёт времени ведётся на дни, месяцы и годы:

Мэһин йыг'илгын кунумэкэв'һынин валг'о, этун тойвагыйһэтыһ тылалай / Каждый месяц собирает батраков, будто к новой жизни пришли [Кеккетин, с. 57].

Галагыг'э ныччеу йыг'илгыт, мэһинеч Эв'һыто һывой ейгучев'һык вэтатык / Прошло два месяца, как Эвныто начал учиться работать [Там же, с. 62].

Һыёу йыг'илгу галалай, мэһинеч Эв'һыто В'ойв'этыһ г'эуэви / Три месяца прошло [с тех пор], как Эвныто в Тигиль отправился [Там же, с. 71].

Иһма эчи һыёуэв'кин гэвэгийһын куткуһ, мэһинеч тыһвок айману итык / Правда теперь второй год кончается, как я начал председателем быть [Там же, с. 63].

В финале повести перед нами изображение стремительных изменений, произошедших в коряжской жизни с приходом советской власти. Компрессия временного потока, характерная для финала повести, отражает дух советского времени, стремление советской власти (и возможности) ускорить, кардинально переменить естественный ход

событий. Изменения в жизни Эвныто происходят именно под влиянием **нового** времени, **новых** законов советской жизни.

В финальных предложениях повести Кецай Кеккетын словно стремится вернуть времени устойчивую цикличность: появляются отсылки к годовому циклу, используется наречие *гымлэ* ‘опять, снова’:

«*Гымлэ алаёг’ык омакан Мэйнув’эмык мыччанотвалайкэ омакан, тит ныкэтгуг’эв’*. <...> **Ятан Чачоль булин лықлэнуог’ык** эмынно яңъяйтың ныялгытын!» / **Снова** летом вместе на Большой реке будем летовать вместе, чтобы сильнее (стать). **Только Чачоль со следующей зимы** совсем один отдельно пусть кочует!» [Там же, с. 77-78].

Временной маркер *булин лықлэнуог’ык* ‘другой зимы достигнув’ только внешне апеллирует к цикличности смены времён года, но цикличность времени разомкнута революцией. В реалистичной повести появляется сказочный финал об одиночном кочевье Чачоля. В природных условиях камчатской тундры одиночное кочевье принципиально невозможно, но в фольклоре этот мотив встречается.

В наши дни последнее предложение повести воспринимается с оттенком трагичности. Богачей увозили в неизвестном направлении. Конечно, об их судьбе догадывались. «Будущей зимой» Чачоля уже не будет среди кочевников, его вообще не будет. Кецай заканчивает свою повесть почти фантастическим и в какой-то степени даже оптимистичным финалом, если в такой ситуации был возможен оптимизм. В последнем предложении повести звучит надежда, что жизнь вопреки всему продолжается.

Литература

Голованева Т. А. Вариативность эпизода в сказочной традиции аборигенов Камчатки (на материале сказки о том, как мыши катались с горы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 2. С. 49-52.

Голованева Т. А., Кузьмина Е. Н. Авторские сравнения в повести Кецай Кеккетына «Эвныто пастух» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). Ч. 2. С. 14-17.

Кеккетын К. Эвныто батрак. Рассказ на корякском языке / Подготовка и редактирование текста С. Н. Стебницкого. – Л.: Издательство детской литературы ВЛКСМ, 1936. 79 с.

Кеккетын К. Эвныто-пастух: повести. – Петропавловск-Камчатский, 2010. 208 с.

Молл Т. А. Корякско-русский словарь. – Л.: Учпедгиз, 1960. 239 с.

Стебницкий С. Н. Очерки по языку и фольклору коряков. – СПб.: Музей Антропологии и Этнографии (Кунсткамера) РАН, 1994. 294 с.

Шушнина А. В. Художественное пространство и время в романе Йена Макьюэна “Дитя во времени” // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Том 155. № 2. С. 230-234.